

Dohnal, Josef

**Концепция революции в публицистике Леонида Николаевича
Андреева**

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [55]-63

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130229>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Йозеф ДОГНАЛ
(Брно)

Концепция революции в публицистике Леонида Николаевича Андреева

**The Concept of Revolution in Journalistic Essays
by Leonid Nikolaievich Andreev**

Leonid Nikolaevich Andreev reacted very impulsively when the Russian October Revolution was approaching in 1917. He was upset by the way in which the Bolsheviks understood the revolution. Anticipating the future cataclysms the Russian writer pointed out the destructive, violent, ruthless features of such a concept of revolution which – according to his point of view – was not soulful revolution but only a dangerous revolt.

Key words: Leonid Nikolaievich Andreev; concept of revolution; revolution and revolt; Russian revolution 1917

Леонид Андреев в течение всего периода своей литературной деятельности последовательно соблюдал принцип, в соответствии с которым он ни одного героя своих произведений не называл словом *революционер*, зато слово *террорист* появляется в его произведениях несколько раз. Такой факт отчасти удивителен: его же «Рассказ о семи повешенных» можно по значению и силе воздействия на русское

общество в начале XX века сравнить с протестом Л. Н. Толстого, выраженным в «Не могу молчать» – в обоих текстах выражается резкое несогласие с репрессиями, приводящими к казни тех, кто активно выступал против русского самодержавия, причем в отдельных случаях такой протест принимал форму террористического действия. В случае Андреева очевидно, что он не поддерживает принцип «око за око, зуб за зуб», что отчасти отражается и в его рассказе «Губернатор». Таким образом, можно предположить, что наболевший вопрос начала XX века о революции, терроризме, самодержавии, их взаимоотношении, взаимовлиянии и о том, что является причиной и что можно считать следствием, да и другие такого рода вопросы интересовали писателя не только в рамках его литературных произведений, но еще более вне их – в беседах с друзьями и в его собственных размышлениях. Конец дружбы с М. Горьким ознаменован именно тем, что Горький не смог принять рассказ Андреева «Тьма» (1907), в котором главным героем является именно террорист, утративший свои до того времени ясные и прочные убеждения в разговоре с проституткой в публичном доме, куда он спрятался от полицейских.

Несмотря на это, со словами *революция* и *революционер* в текстах Андреева мы все таки встречаемся, даже довольно часто, но не в его художественной прозе, а в его же публицистике, т. е. в текстах, публикуемых им в последние годы его жизни, прежде всего в текстах 1917–1919 годов. Андреев работал в это время редактором газеты «Русская воля». С большим интересом он следил за событиями в русском обществе, непосредственно реагируя на все «турбулентные» события, ход которых все ускорялся. Симптоматично, что точно так, как и в его прозе, Андреев не смотрит на происходящие в это время события только с одной идеологической точки зрения, хотя именно оценочный аспект событий постепенно меняется. Он как будто способен заглянуть под поверхностные черты происходящего и, сохраняя определенную злободневность, задумывается над самой сущностью, над более глубокими причинами сдвигов в русской общественной жизни. Благодаря именно такому подходу ему удавалось и в определенной мере пред-

угадывать, что можно ожидать от последующих этапов быстро меняющейся обстановки в обществе.¹

Что касается его понимания революции как таковой, наиболее точно Андреев задумывается над этим вопросом в своей статье «Европа в опасности. 1. Революция и Бунт»², написанной в 1919-ом году, то есть незадолго до его смерти, что явилось поводом для того, что писатель не смог полностью закончить работу над статьей. В этой статье он, однако, использовал более старый материал, а именно свои мысли, высказанные уже в 1917-ом году в его публицистическом выступлении «Во имя революции», опубликованном в газете «Русская воля» от 17-го сентября 1917-го года. Дата опубликования статьи свидетельствует о том, что Андреев пытался понять, вернее, расшифровать, что именно происходит в России, как это отражается в сознании индивида и в сознании «общества», каковы мотивы, проявляющиеся в конкретных действиях, поступках людей. Посмотрев пристальнее на написанное Андреевым, мы чувствуем, что он как будто исходит из тех же принципов, которые характерны и для его художественного творчества – он ищет что-то в самой глубине души индивида, хочет открыть, что является определяющим фактором для внешне наблюдаемого поведения людей.³

При таком тщательном аналитическом взгляде для Андреева определяющим является разница между двумя понятиями/явлениями, которые по его мнению близки друг другу, однако именно их глубинные значения, их суть и первооснова прямо противоположны друг другу – этими понятиями являются *революция* – с одной стороны, и *бунт* (понимаемый как стихийное явление) – с другой. Это, конечно, не случайно – Андреев, наверно без намерения, подспудно учитывает теоретические взгляды определенной части народников, убежденных

1571

1 Подробнее об этом вопросе см. напр. нашу статью Demaskování V. I. Lenina v publicistice Leonida Andrejeva. In: Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk, literatura, dějiny kultury. Brno 2012. od s. 31–38.

2 Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 172–180.

3 В виду мы имеем конкретно его рассказ «Марсельеза» 1903-го года.

в том, что русский мужик по своему характеру бунтарь, в котором надо только зажечь присущее в нем пристрастие к бунту и именно таким образом открыть путь к общественному сдвигу, что, в конечном счете, и привело к возникновению русского терроризма;⁴ Андреев отчасти также рефлексирует события последних десятилетий во всей России – количество восстаний и бунтов в течение 19-го века постоянно росло, эти восстания были, однако, чаще всего только отчаянным проявлением бедного положения часто голодающих мужиков.⁵ Андреев этой линией возможных причин и следствий не занимается – она не является основной темой его текста, но все-таки тут можно найти ее следы.

Для Андреева различие между содержанием и значением выше приведенных понятий существенно – именно в том, что под ними скрыто, он видит суть, над которой надо задуматься и которая становится для него основным критерием оценки данного явления, включая и его внешние симптомы, и его последствия для индивида и для общества в целом.

Четкое наблюдение Андреева за причинами вспышки бунта или революции приводит его к тезису, приводимому в качестве параллельного ответа на основной вопрос: где эти два явления общественной жизни берут свое начало? Ответ Андреева интересен:

«Откуда родится Бунт? Из недовольства своим положением и стремления всего живого к полной и НЕОГРАНИЧЕННОЙ свободе. Каковы методы Бунта? Разрушение. Каковы его орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство.

Откуда родится Революция? Из недовольства существующим и стремления к большей свободе. Каковы видимые методы

4 Наиболее заметным в этом смысле стало покушение на царя Александра II в 1881-ом году, после которого царь скончался.

5 На все возрастающее количество бунтов в течение 19-го века обращает внимание и Т. Г. Масарик, который в 1-ом томе своего труда «Rusko a Evropa» приводит и статистические данные. См.: Masaryk, T. G.: Rusko a Evropa, díl 1. Praha 1930, с. 151. Масарик приводит также и данные, касающиеся количества забастовок под самый конец 19-ого века и в первое десятилетие 20-го века (см: Там же, с. 208.).

революции? Разрушение. Каковы ее орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство».⁶

Кажется, Андреев играет словами, но это не так. За этой кажущейся игрой скрывается глубинное различие, которое писатель находит в обоих явлениях: *бунт* – по его мнению – связан именно с анархистическим индивидуалистическим началом, жаждущим *полной и неограниченной свободы*. Он тут как будто вспоминает тему одной из частей цикла В. Ф. Одоевского «Русские ночи»,⁷ намекая на то, что такой полной и неограниченной свободы быть не может, так как она, по сути, враждебна любому социуму, который в принципе представляет собой определенное ограничение индивидуальной свободы посредством определенных норм поведения во имя сожителства с другими индивидуумами, наделенными таким же правом на абсолютно без каких либо границ понимаемое свободное существование. Поэтому Андреев пользуется двумя симптоматичными выражениями, подчеркивающими индивидуальное и стихийное понимания бунта: «недовольство *своим* положением» (курсив мой – Й. Д.), указывает на индивидуума, а слова «всего живого» намекают на то, что жаждущий бунта индивид остается на уровне *животного*, а не доходит до уровня *человека*, отличающегося от животных способностью действовать сознательно, планировать и контролировать свои поступки.

Революция, с другой стороны, в его понимании – явление иного порядка. Она же рождается из «недовольства существующим и стремления к *б о л ь ш е й* свободе». То есть революция проигрывает, в понимании Андреева, той индивидуалистической и стихийной окраске, присущей бунту. Андреев, по-видимому, исходит из тезиса, что революция «действует» не на индивидуалистическом, а на общественном принципе, учитывая индивидуальную потребность, но не ставя ее основной целью и не понимая свободу в абсолютном смысле слова, а принимая определенные ее ограничения по отношению к индивиду-

6 Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 173.

7 Мы имеем в виду главу «Последнее самоубийство».

уму. Одиночка, *личность*, в таком понимании становится сознательно действующим, предвидящим последствия своих поступков *agens*.

Тут в его концепции революции подчеркивается тот момент, который также уже назван в выше приводимом высказывании Андреева в том месте, в котором он отличает бунт от революции: сходны по его мнению «видимые методы революции», то есть то, что сразу бросается в глаза. Но за этой поверхностной видимой структурой, как намекает Андреев, скрыто что-то более важное, даже существенное, кажется сам смысл такого явления. Именно это Андреев выражает, называя основное различие между бунтом и революцией: «Это различие – Мысль. Бунт есть начало чисто стихийное, лишенное мысли. Революция – полна мысли, она сама есть не что иное, как восставшая мысль. Поэтому бунтовать могут даже и лошади, и всякая конюшня знает немало случаев такого буйства. Поэтому революцию могут делать только люди. Поэтому темные и восставшие рабы, лишенные сознания, могут произвести только огромный беспорядок, страшное уничтожение, великий погром, но Великой Революции им не свершить никогда».⁸

Именно в этих словах заключается сама основа подхода Андреева к революции, к оценке нависшей над Россией и остро чувствуемой писателем угрозы – отождествления революции и бунта в понимании тех, кто о них не только говорит, но и кто их «делает».

Надо вернуться к прозе и драматургии писателя, к его произведениям, в которых довольно часто чувствуются два пласта изображаемой действительности – то, что видно на поверхности, кажущееся, наглядное, а под этим созерцаемым, где-то в его самой глубокой основе, то, чего не замечают на первый, даже на второй или третий взгляд, однако именно это – сама сущность, истинная сердцевина данного явления или происшествия. Писатель как будто повторяет то, что изображается им в его рассказе «Смех» 1901-го года – «поверхность», видимое абсолютно отличается от скрытого под маской «внутреннего», что не может прорваться на поверхность, остается невысказанным, непонятым. В свое понимание он вносит те мысли, которые

8 Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 173–174.

выразил уже в 1917-ом году, когда осознавал, что ожидается в жизни России, видел много признаков грядущих катаклизмов, которых не миновать, но все-таки пытался показать опасность, которую другие не замечали и не могли осознать.

Оба явления появляются в тексте Андреева в качестве абсолюта – написание с большой буквы придает им обобщающее значение ноуменов, что создает впечатление чего-то рокового, неотвратимого, объективного по отношению к тем, кто станет субъектами революции или бунта. Кажется, он твердо знает, что *бунт* или *революция* произойдут, этого не миновать; однако, он не теряет надежды, что при определенных условиях можно избежать катастрофы, поняв существенное различие между ними, их противоположную суть. Поэтому он и уделяет свое внимание их внешним сходствам, надеясь еще в 1917-ом году, что, может быть, кто-нибудь поймет, задумается, очнется и воспрепятствует худшему развитию событий. Это остро чувствуется в его словах: «Когда Бунт возникает рядом с Революцией, он целиком берет ее язык, ее лозунги, даже ее наиболее осознанные программы: у него те же флаги, он кричит о той же свободе, он требует того же равенства и братства, – он „гражданин“».⁹

[61]

Андреев таким способом намекает на то, что сделал в других своих выступлениях того же 1917-го года, например, в статье «К тебе, солдат»,¹⁰ в которой говорится о полной разрухе в русской армии, о потере чувства дисциплины, ответственности перед другими и перед Россией как родиной – т. е. о том, насколько индивидуальное берет верх над общественным, анархия над дисциплиной, безответственность над ответственностью, сиюминутное над способностью заглянуть в будущее и задуматься над последствиями потери основных принципов построения армии и общества как такового.

Камуфляж, подделка бунта под революцию, является, согласно Андрееву, наибольшей опасностью для революции, которая бессильна

⁹ Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 174.

¹⁰ Эта статья появилась в утреннем выпуске газеты «Русская воля» № 165 от 14-го июля 1917-го года.

защититься, так как стихия бунта привлекательна для невидящих существенной разницы и жаждущих добиться своих целей, не учитывая ничего другого, не зная великой идеи, которой революция должна руководствоваться. Подмена революции бунтом и в этой подмене скрытая опасность приводятся Андреевым открыто: «Так внешне содействуя и уподобляясь, он (т. е. Бунт – Й. Д.) убивает Революцию, истинная и высокая цель которой – не уничтожить и не расточить, а умножить сокровища земли».¹¹

И в этом отношении можно удивляться способности Андреева предвидеть возможные последствия, которые наступят, если не удастся воспрепятствовать бунту овладеть ситуацией.

Готовя текст статьи «Европа в опасности», Андреев уже знал, что в России произошло с октября 1917-го года. Он знал, что полностью оправдались его опасения, что ожидаемая им революция не состоялась, что Россия находится в состоянии гражданской войны... Это неудивительно – ведь мировая война повлекла за собой крупнейший экономический ущерб, с 1916-го года начались перебои в снабжении продуктами питания, политические события всего 1917-го года показали отсутствие достаточно сильной конструктивной революционной идеи, соответствующей андреевским идеалам. Экономическая разруха и отсутствие четкого порядка в общественной жизни и правлении государством повлекли за собой то, что Андреев уже предвидел в своей прозе, говоря о насильственном, стихийном, зверином, неодушевленном начале, кроющемся в человеческой природе и в душе каждого отдельного индивида. Бунтующее, разрушительное, звериное – все это Андреев также предвидел, когда писал: «Когда Бунт чувствует себя в силе, он безгранично свиреп и жесток».¹²

Уже опытный Андреев пишет в своем письме от 26-го июля 1919-го года Павлу Николаевичу Милюкову, бывшему министру иностранных дел Временного правительства, человеку ему близкому в изучении

11 Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 175.

12 Андреев, Л. Н.: Европа в опасности. 1. Революция и Бунт. В: Верните Россию! Москва 1994, с. 175.

русской культуры: «В России разрушено больше, нежели ее „молодая“ промышленность: в России разрушен человек, поскольку он начинал быть и выявляться. И мое душевное желание: восстановить человека, вернуть его и направить к тем высшим стремлениям личности, к тому порогу высокого сознания и долга, за которым личность вступает на (первые ступени Божества) путь совершенного человеческого существования».¹³

[63]

13 Андреев, Л. Н.: Письма. П. Н. Милюкову В: Верните Россию! Москва 1994, с. 206.

